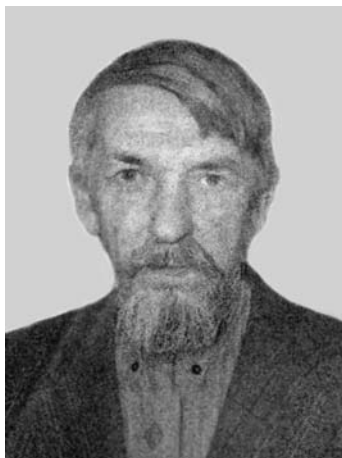

ГЕОРГИЙ КИСЕЛЕВ

ЧТО Ж Я НЕ СКУРВИЛСЯ?

* * *

Уже шуршит, опавшей, под ногами
Листою лес и, тронут желтизной,
Как первую предзимней сединой,
Мне жизни смысл постигнуть помогает.

Уже разлита в воздухе печаль,
И золото берез все жарче, жарче.
О чем же ты горюешь, бедный старче,
Коль золотой запас твой полегчал?

И зябко так, расхристанно душе
На торжище средь поколений новых.
И шесть десятков сброшено уже,
И на кону последних два целковых.

Куда девался юношеский пыл,
Желанье бунтовать и куролесить.
О Боже мой, Есенину — сто десять,
А в семьдесят его — я молод был!

Туда не забрести, как в березняк,
Как не услышать здесь мне звон тальянки.
О где ж вы, где — по удали, по пьянке
Есенинцы? Где вы, мои друзья?

КИСЕЛЕВ Георгий Иванович родился в 1939 году на Вологодчине. Окончил Литературный институт имени А. М. Горького. С 1983 года живет в г. Волковыске Гродненской обл. Член Союза писателей Беларуси.

Вы были бесшабашны и смелы
И к славе мчались в сумасшедшей гонке,
Но укатали вас крутые горки,
Родные, забубенные мои!

Предпочитая храму гастроном,
Есенина вы чтили выше Бога
И горечью его судьбы и слога
Вы упивались больше, чем вином.

И я к нему когда-то так приник,
Но устоял, иной ведомый целью.
Теперь Господь мне — путь, и храм, и келья,
Тьма и свеча, пустыня и родник.

* * *

Разные женщины рядом лежали,
Разные жены детей мне рожали,
Разная жизнь сквозь лицо протекла.
Полуботинки по-разному жали,
Разные мысли меня поражали,
Разные чувства сжигали дотла.

Что же, спасибо, Господь! Очень разной
Жизнь получилась — не однообразной,
Не монотонной от вечных забот.
Всякой была: и рабочей, и праздной,
И распрекрасной, и безобразной, —
Вечный источник в груди моей бьет.

Вечный мой ключ, обиталище духа.
Всё позади: и война, и разруха,
Страсти-мордасти, на части страна,
Пьянство, обжорство, вранье, показуха,
Голод в глазах и в душе голодуха,
Сроки, уроки, часы, времена.

Разве мы всё, что могли, совершили?
Господи! Как безоглядно мы жили,
За неподъемное дело взялись,
Как мы решали и как мы грешили!
Недостижимы остались вершины,
Скисли пророки, герои спились.

Что ж я не скурвился, что ж я не спился?
Что ж из двадцатого века пробился
В новый с начитанным грузом старья?
Господи, сам ли себе я приснился?
Если я был, почему я не сбился?
Значит, была на то воля Твоя.

Значит, на то Твоя, Господи, воля,
Чтобы любовь оставалась живою:
Ближних, друзей и врагов обняла,
Чтоб не гордиться седой головою,
Да не жалеть себя, плача и воя,
Жить и любить... И была — не была!

* * *

Тот же, в сущности, острожник,
Я бреду во мгле дорог.
Неказистый подорожник —
Мой лазоревый цветок.

Как этапник и колодник,
Рад и лунному лучу,
Среди нищих и голодных
Кандалами дни влачу.

Словно и меня, растяпу,
Гнали пешком — и не злюсь —
Из России по этапу
Поселенцем в Беларусь.

И в суме моей дорожной
До поры лежат, тихи,
Зарифмованы безбожно,
Мои старые грехи.

Мне бы сжечь их да рассеять
Над простором и судьбой
Да податься бы в Расею
По дороге столбовой!

Вот бы выкинуть коленце,
Да уже, хоть землю рой,
Дорог край мне, поселенцу,
Ставший родиной второй!

И хотя России жаль мне,
Но и здесь, как близ Оки,
Те же в градах горожане,
В вёсках те же мужики.

И берез на косогоре
Тот же самый перепляс.
И дивуешься лазори
Неба, поля, встречных глаз.